

*В.В. Старостенко, зав. кафедрой философии
Могилевского государственного университета (г. Могилев)*

ЕВРЕЙСКО-ИУДЕЙСКОЕ СООБЩЕСТВО В ОТРАЖЕНИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО И РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

Рассматривается неоднозначный и противоречивый характер межконфессиональных и межэтнических отношений в ВКЛ и Речи Посполитой на примере восприятия еврейско-иудейского населения в общественной мысли XVI–XVII вв.

Ключевые слова: ментальность, толерантность, еврейско-иудейское сообщество, христианское вероисповедание, религиозная нетерпимость, негативные стереотипы, национально-религиозная жизнь.

Длительное существование белорусов в этнически разнородных и поликонфессиональных обществах и государствах определило становление такой характерной черты ментальности, как толерантность. В философском смысле толерантность является духовной констатацией многоликости и многовекторности реального бытия, его несводимости к заданным и одномерным стандартам. Религиозная и этнокультурная терпимость на протяжении многовековой истории ВКЛ являлась предпосылкой диалога Востока и Запада, формирования духовной культуры на основе этноконфессионального синтеза. Толерантность как фактор общественного сознания и как юридическая норма давала возможность в течение многих столетий сравнительно мирно сосуществовать различным этносам, населявшим ВКЛ, – белорусам, украинцам, литовцам, полякам, русским, татарам, евреям, а также конфессиям. Вместе с тем межконфессиональные и межэтнические отношения носили неоднозначный и противоречивый характер, находились под воздействием средневековых стереотипов и предрассудков, что отчетливо проявилось в отношении к нехристианским народам и вероисповеданиям, включая еврейско-иудейское сообщество страны.

Начало расселения евреев на территории ВКЛ относится к концу XIV в. и было связано с существованием относительной религиозной терпимости в сравнении с условиями, имевшими место в это время в странах Западной Европы. В 1388 г. великий князь Витовт издал ряд привилегий, предоставив право евреям западнобелорусских городов заниматься предпринимательством наравне с местными мещанами [8, с. 12-13]. Вскоре евреи заняли прочные позиции в экономике. Они являлись откупщиками податей и налогов в великокняжескую казну, занимались ремеслом, торговлей, в том числе и землёй, ростовничеством и т.п. В 1495 г. князь Александр по причине чрезмерной активности еврейских предпринимателей в финансовой сфере приказал выселить всех евреев из княжества, но в начале XVI в., нуждаясь в денежных кредитах, вновь разрешил их пребывание на территории ВКЛ [22, с. 545]. Привилей Владислава IV от 9 марта 1633 г. подтверждал «все права, привилегии и вольности, данные жидам, нашим подданным, живущим в городах и местечках, дарованные нашими предками» [9, с. 238–239]. Позитивное отношение к евреям со стороны властей объясняется, прежде всего, экономическими интересами, стремлением использовать их капиталы и торгово-финансовые связи в Европе.

Усиление еврейских торгово-промышленных группировок в белорусских городах обусловило неприязненное отношение к ним со стороны местного мещанства. Такие настроения зафиксированы, в частности, в сочинении М. Литвина «О нравах татар, литовцев и москвитян»: «В эту страну собрался отовсюду... народ вероломный, хитрый, вредный, который портит наши товары, подделывает деньги, подписи, печати, на всех рынках отнимает у христиан средства к жизни, не знает другого искусства, кроме обмана и клеветы...» [2, с. 47]. В то же время Литвин, старавшийся отыскать в жизни любого народа положительные черты, обращает внимание на развитую в еврейской среде солидарность, готовность прийти на помощь единоверцу. «Не допускают никого из своего народа умереть от бедности: так сильна в них любовь к ближнему» [2, с. 33]. Весьма категоричен в оценке поведения белорусских евреев составитель начальной части Могилёвской хроники Трофим Сурта. Он обвиняет их в чародействе, мошенничестве, разжигании вражды между московским и польским монархами, ритуальных убийствах христиан. В Полоцке, по его

убеждению, «погорели крамы из-за поджога жидовского, и состоятельные кушцы до убожества пришли». Арендаторы и откушники евреи, по мнению Сурты, подрывают благосостояние белорусских городов: «Долго не забудет Могилев эту саранчу, а также во всей Польше и Великом княжестве Литовском как худшую беду будут их вспоминать» [17, с. 245–251].

Антиеврейские настроения объяснялись, прежде всего, экономическими противоречиями, столкновением реальных интересов христианской и еврейской части купеческого населения. Экономическое соперничество переходило в национально-конфессиональную вражду, которая подогревалась усиливающейся в стране с конца XVI в. религиозной нетерпимостью. Еврейские историки отмечали, что «горожане-христиане всячески препятствовали евреям приобретать недвижимость, обзаводиться постоянными синагогами, кладбищами и всем прочим, что придает поселению характер прочной оседлости» [5, с. 166]. В королевской грамоте от 5 марта 1585 г. говорилось: «Били нам челом... все посольство мещане нашего Могилевского, обыхмо... жидом домами селиться не допустили, даючи тую причину, иж от них никоторого бы пожитку в месте том быти не могло, а им бы ся великая переказа в гандлях и торговлях их от них деяла» [1, с. 296]. Король согласился с этой просьбой могилевчан, но решение, как и все последующие подобного рода (привилеи 1626 г. Сигизмунда III, 1633 г. Владислава IV), не было исполнено [4, № 32, 35; 6, с. 153]. Противоречия между могилевским мещанством и еврейской общиной обострились настолько, что в 1645 г. в городе произошёл еврейский погром [6, с. 153]. Жалобы в магистрат серьёзных последствий для участников антиеврейских акций не имели [10, с. 505–510; 13, с. 81–82]. Попытка белорусского могилевского купечества избавиться от еврейских кушцов-конкурентов была предпринята и во время выработки условий сдачи города войскам Алексея Михайловича в 1654 г. [3, с. 90; 19, с. 306]. Существенный урон белорусскому еврейству нанесли войны 1648–1651 и 1654–1667 гг. Слияние в войнах и народных движениях XVII в. социально-экономических и национально-религиозных мотивов нередко приводило к жёстким формам борьбы: «Многие города и места казаки поимали и высекли, а секли поляков да жидов» [3, с. 30]. В период военных действий местное население и городские магистраты пользовались ситуацией, чтобы избавиться от конкурентов-евреев: их имущество расхищалось, недвижимость конфисковывалась (Могилёв, Полоцк, Витебск) [5, с. 166–167]. Таковы, увы, трагические реалии народной жизни XVII столетия.

С утверждением на белорусских землях мира уже в 1680-е гг. стабилизировалась социально-экономическая жизнь. Положение еврейского населения улучшается. Часть евреев в годы войны была вынуждена принять христианство, что обеспечивало неприкосновенность жизни и имущества. В этой связи важно отметить, что в общественной мысли рассматриваемого времени имело место нетождественное восприятие иудаизма и еврейства. Так, еще в начале XVII в. автор Баркулабовской летописи с явной симпатией относится к пожелавшей обратиться «у веру христианскую» некой «жидовке именем Стирка». Описанная им процедура крещения прошла в день Сошествия Святого Духа при стечении множества панов, шляхты, женщин и детей. Наоборот, мать-иудейка новоприобретенной христианки Елены осуждается за то, что «поганскими чарами... дочке своей чинила», «много зла поганства творила, проклинала, абы жива не была» [16, с. 184].

Формирование негативного стереотипа в отношении евреев исторически связано не только с социально-экономическими обстоятельствами, но и с отрицательным восприятием иудаизма в христианской духовно-культурной традиции (сосуществовавшим, заметим, с негативным отношением иудаизма к христианству). Противопоставление религиозной ценности иудаизма и христианства присутствует уже в «Слове о Законе и Благодати» (XI в.) митрополита Илариона. Согласно «Повести временных лет», хазарским евреям было заявлено: «Вы... отвергнуты богом и рассеяны: если бы бог любил вас и закон ваш, то не стали бы вы рассеяны по чужим землям» (ситуация с «выбором веры» князя Владимира) [15, с. 258]. В «Слове о слепьци и о зависти жидов» едва ли не к бесовству («иудейское злобесование») приравнял иудейское вероисповедование Кирилла Туровский. «Жидове на Благодателя гневають», – писал он, – а закон Моисея «всех предаст под грех» [14, с. 176, 354–355, 359]. Антитеза «иудаизм-христианство» характерна и литературе XVI–XVII вв. «О зловивом совете неверных жидов, еже совещапа на сына божия предати его без вины на роспятие» в предисловии к «Книге Премудрости» писал Ф.С. корина [21, с. 31]. Сочинения «против евреев и вообще жидовствующих» занимали, как показали исследования Е.Ф. Карского, значительное место в белорусских сборниках того времени [11, с. 153–154]. Доказывалось прежде всего «заблуждение» иудаизма [20, с. 196]. Выражение «яко жиды и вси безбожныи еретици» служило для старца Артемия одной из форм уничтожения протестантской доктрины С. Будного [3, с. 43]. «Они... хуже евреев и турок», – отзывался о протестантах католический полемист Жебровский [7, с. 98].

В то же время следует отметить, что еврейское население ВКЛ пользовалось правовой защитой и даже некоторыми преимуществами по сравнению с горожанами-христианами. За убийство знатного еврея, например, по Статуту 1588 г. полагалась смертная казнь («горлом быти каран»), тогда как за лишение жизни горожанина-христианина – денежный штраф. Весьма показательны права еврея-иудея, перешедшего в христианство: «А естли бы который жид або жидовка до веры христианскоя приступили, тогда кожда такая особа и потомство их за шляхтича почитаны быть мають». Однако законодательство предусматривало ряд ограничительных норм в отношении евреев: непривлечение в качестве свидетелей в определённых судебных процессах, запрет иметь холопов-христиан, занимать государственные должности, склонять (под страхом смертной казни) христиан в иудаизм. Кормилицам-христианкам запрещалось опекал еврейских детей [22, с. 260, 315–316]. Последнее было характерно и для церковных предписаний [18, с. 34].

Данные примеры иллюстрируют противоречивость национально-религиозной жизни ВКЛ. Отношение к инаковерующим и инакомыслящим нехристианским народам и вероисповеданиям определялось конкретно-историческими условиями. Толерантность не являлась абсолютной и безграничной. Правительство демонстрировало в целом позитивное отношение к евреям, создавало благоприятные условия для их жизнедеятельности. Вместе с тем общественные противоречия, конкурентная борьба между белорусскими и еврейскими предпринимательскими кругами, негативное восприятие иудаизма христианством, национально-религиозные предрассудки стимулировали у части белорусского общества антииудейские настроения, что ярко проявилось в общественной жизни XVII века. Социальная нестабильность, религиозное противостояние, войны середины XVII столетия закономерно привели к росту конфликтности,

этноконфессиональной вражды, обусловили различного рода трагические эксцессы. Но белорусские евреи смогли пережить этот сложный, драматический этап истории, в сравнительно короткий срок восстановить социально-экономические позиции и, несмотря на ограничения и препятствия, интегрироваться в жизнь страны, сохранив при этом свою национальную специфику.

Список литературы

1. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археологическою комиссиею. – СПб., 1848. – Т. 3.
2. Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. – М., 1854. – Кн. 2, вторая половина. – Отд. V.
3. Белоруссия в эпоху феодализма. Сборник документов и материалов: в 3 т. – Минск, 1960. – Т. 2.
4. Белорусский архив древних грамот. – М., 1824. – Ч. 1.
5. Еврейская энциклопедия: в 16 т. – СПб., б. г. – Т. 5.
6. Еврейская энциклопедия: в 16 т. – СПб., б. г. – Т. 11.
7. Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии: Избранные произведения XVI – начала XIX в. – Минск, 1962.
8. Иоффе, Э.Г. Страницы истории евреев Беларуси / Э.Г. Иоффе. – Минск, 1996.
9. Историко-юридические материалы, извлечённые из актовых книг губерний Витебской и Могилевской. – Витебск, 1871. – Вып. 2.
10. Историко-юридические материалы, извлечённые из актовых книг губерний Витебской и Могилевской. – Витебск, 1878. – Вып. 9.
11. Карский, Е.Ф. Белорусы. Т. III: Очерки словесности белорусского племени / Е.Ф. Карский. – Петроград, 1921. – Ч. 2: Старая западно-русская письменность.
12. Лобач, У. Да гісторыі фарміравання негатыўнага этнастэрэатыпа адносна яўрэяў на Беларусі / У. Лобач // Нацыянальныя меншасці Беларусі: тэматычны зб. навук. прац. – Брэст – Мінск – Віцебск, 1996. – Кн. 2. – С. 16–21.
13. Марзалюк, І.А. Магілёў у XII–XVIII стст. Людзі і рэчы / І.А. Марзалюк. – Магілёў. – Мінск, 1998.
14. Мельнікаў, А.А. Кірыл, епіскап Тураўскі: Жыццё. Спадчына. Светапогляд / А.А. Мельнікаў. – Мінск, 1997.
15. Повесть временных лет. – М.-Л., 1950. – Ч. 1: Текст и перевод.
16. Полное собрание русских летописей. – М., 1975. – Т. 32.
17. Полное собрание русских летописей. – М., 1980. – Т. 35.
18. Русская историческая библиотека. – Пб., 1878. – Кн. 1.
19. Русско-белорусские связи. Сб. документов (1570–1667 гг.). – Минск, 1963.
20. Саверчанка, І.В. Старажытная паэзія Беларусі / І.В. Саверчанка. – Мінск, 1992. – Дадатак.
21. Скарына, Ф. Творы: Прадмовы, сказанні, пасляслоўі, акафісты, пасхалія / Ф. Скарына. – Мінск, 1990.
22. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588: Тэксты. Давед. Камент. – Мінск, 1989.